

мелисса моррис

ПОПАДАНКА
НА ТРОНЕ:
Врагов люблю,
мужа перевоспитаю

Лана Купер

**Попаданка на троне: Врагов
люблю, мужа перевоспитаю**

«Автор»

2026

Купер Л.

Попаданка на троне: Врагов люблю, мужа перевоспитаю /
Л. Купер — «Автор», 2026

Я умерла на рабочем совещании и очнулась в теле королевы-регентши, которую ненавидит собственный народ. Казна пуста, хлеб исчезает со складов, министры готовят переворот, а восьмилетний король боится называть меня матерью. Но главная проблема носит черный мундир и смотрит так, будто уже выбрал место для моего эшафота. Кассиан Рейв – мой законный муж, свергнутый король Дорвена и человек, которого прежняя хозяйка этого тела предала. У меня двадцать дней, чтобы разобрать чужие преступления, спасти страну и доказать, что я – не Севрина. Я привыкла вытаскивать компании из кризиса, так что двор с мечами, магическими клятвами и канцлером с безупречными манжетами меня не испугает. Врагов превращу в союзников. Заговорщиков вытащу на свет. А мужа... пожалуй, перевоспитаю. Правда, он почему-то уверен, что перевоспитывать придется меня.

Содержание

Глава 1. Королева, которую уже приговорили	5
Глава 2. Совет директоров с мечами	15
Глава 3. Враг в моей карете	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лана Купер

Попаданка на троне: Врагов люблю, мужа перевоспитаю

Глава 1. Королева, которую уже приговорили

Я проснулась от металлического вкуса во рту и звука ключа, который кто-то снаружи неторопливо повернул в замке.

Последнее обстоятельство тревожило сильнее первого. Металл можно было объяснить прикушенной щекой, лекарством или особенно неудачным кофе, а вот запертая снаружи дверь плохо сочеталась с любым приличным медицинским учреждением. Впрочем, кровать под мой тоже не напоминала больничную: над головой колыхался полог цвета старого вина, на вышитых серебром птицах дрожал свет десятков свечей, а простыня была такой гладкой, что за нее наверняка отвечал отдельный человек с тяжелой судьбой.

Я попыталась приподняться и сразу пожалела об инициативе. Комната накренилась, висок пронзило болью, а под ребрами поднялась тошнота. Пришлось вцепиться пальцами в покрывало и медленно вдохнуть, пока стены не вернулись на положенные места.

Дверь распахнулась, и первым вошел мужчина в темной военной форме, за ним – женщина с мечом на поясе и двое стражников. Никто не бросился проверять мой пульс, не позвал врача и даже не выразил умеренной радости по поводу моего возвращения к сознательной жизни. Мужчина остановился у кровати, окинул меня внимательным взглядом и произнес:

– Вы выбрали удобный момент, чтобы открыть глаза, Севрина. У ворот уже ждут представители Палаты закона, а я устал отвечать, что обвиняемая пока не в состоянии услышать обвинение.

У него был низкий спокойный голос человека, которому не требовалось повышать громкость, чтобы окружающие перестали дышать. Темные волосы были зачесаны назад, у правого виска выделялась серебряная прядь, а лицо выглядело слишком собранным для мужчины, прошедшего провести больную женщину. Он смотрел не на меня, а словно на закрытую дверь, за которой однажды уже обнаружил врага.

Я облизнула пересохшие губы и почувствовала тот же горький металл.

– Севрина? – спросила я, потому что из всех доступных вопросов этот хотя бы не требовал знания местной политической системы.

Женщина у двери едва заметно перенесла вес на другую ногу. Мужчина не изменился в лице, но его правая рука легла на край черной перчатки.

– Потеря памяти была бы удобной защитой, – сказал он. – Она не отменит вашу подпись, печать и показания курьера. Прежде чем вы продолжите представление, советую выбрать версию, способную пережить первый перекрестный вопрос.

Я посмотрела на незнакомые лица, на мечи, на свечи, которые не чадили, хотя их было достаточно для небольшого пожара, и попыталась восстановить последнюю нормальную минуту своей жизни.

Я вспомнила переговорную на двадцать третьем этаже, таблицу с долгами компании и красную строку в отчете, которую финансовый директор четыре месяца называл временным отклонением. В памяти прозвучал мой собственный голос: «Временным бывает дождь, а у вас уже климат». Потом пришли боль в груди, опрокинутый стакан и чья-то рука, не успевшая меня удержать, а дальше не было ничего.

Если это был сон, мое подсознание внезапно получило бюджет на декорации и наняло очень убедительного мужчину на роль личной угрозы.

– Я пока не выбрала даже версию того, где нахожусь, – ответила я. – Поэтому начнем с простого. Как вас зовут?

Один из стражников шумно втянул воздух. Женщина с мечом повернула к нему голову, и он немедленно вспомнил, что умеет молчать.

Мужчина подошел ближе. В темно-синих глазах не было ни растерянности, ни жалости, только внимательная, почти холодная ярость.

– Кассиан Рейв, законный король Дорвена, которого вы лишили возможности вернуть страну, первый защитник Лиарена и ваш супруг. Одиннадцать месяцев брака оказались достаточно точным сроком, чтобы вы забыли мое имя, но не слишком коротким, чтобы заказать мое убийство.

Три титула и один брак не обещали спокойного утра.

– Хорошо, – произнесла я, осторожно садясь выше и опираясь на подушки. – Теперь я знаю, кто вы. Где мы находимся и почему дверь заперта?

– В ваших покоях Королевского дворца Астора. Дверь заперта, потому что три дня назад мой человек перехватил приказ командиру западных ворот. Согласно этому приказу сегодня после третьего колокола моя охрана должна была быть отозвана, а я – погибнуть при попытке сопротивления аресту.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист и положил на покрывало передо мной. Бумага была плотной, желтоватой, внизу темнел оттиск перстня. Строки состояли из знаков, которых я никогда не учила, и все же смысл сложился в голове без усилия. Я прочитала приказ дважды, надеясь, что при втором прочтении он превратится в меню или счет за шторы, однако содержание осталось прежним.

– Подпись моя? – спросила я.

– Вы хотите услышать, насколько хорошо ее подделали?

– Я хочу узнать, видели ли вы, как я ставила ее на этот документ.

Кассиан задержал на мне взгляд, словно вопрос оказался не тем камнем, о который он собирался разбить мою защиту.

– Приказ передал королевский курьер. На нем ваша личная печать, подпись совпадает с десятками указов, а командир ворот признает, что получил устное предупреждение от хранителя печатей.

– Курьер жив?

– Жив и находится под охраной Рады.

– Кто вскрывал письмо до вас, где его держали последние три дня и у кого был доступ к печати?

– Вы решили расследовать собственный приказ?

– Я решила не соглашаться на казнь по документу, цепочку передачи которого никто еще не описал. Ненависть к подозреваемой может быть искренней, но доказательством от этого не становится.

Женщина у двери впервые посмотрела на меня прямо. У нее было сухое загорелое лицо, короткие темные волосы и выражение человека, который предпочитал ясную опасность красивым словам.

Кассиан взял приказ, но не спрятал.

– Вы всегда умели превращать очевидное в спор о формулировках, – сказал он. – На этот раз спор будет публичным. Через двадцать дней соберется Великое собрание трех палат. До тех пор вы остаетесь регентшей, поскольку закон не позволяет снять вас одним моим решением. После собрания у Лиарена появится новый защитник, а у вас – приговор.

Слово «регентша» легло рядом со словом «супруга», и общая картина стала не яснее, а дороже. Роскошные покои, охрана, личная печать, обвинение в государственной измене. В обычной работе мне хотя бы присылали отчетность заранее.

– Регентшей при ком?

На этот раз женщина с мечом не просто напряглась. Ее ладонь медленно опустилась на рукоять меча.

Кассиан медленно снял с правой руки черную перчатку. На безымянном пальце блеснуло темное кольцо без камня, а по тыльной стороне ладони тянулись тонкие серебристые линии, похожие на старые следы ожога.

– При вашем сыне, – ответил он. – Лиану восемь лет. Он является королем Лиарена с момента смерти Орена, а вы два года управляете страной от его имени. Даже для вас попытка забыть ребенка была бы слишком изящной жестокостью.

У меня есть сын.

Эта мысль не поместилась внутри меня сразу. Она ударилась о страх, о чужое имя и о воспоминание, где я падала рядом с переговорным столом, а потом вернулась уже не мыслью, а тяжестью под грудной костью.

Я не знала этого мальчика, не помнила его рождения, голоса, привычек и того, почему при упоминании матери женщина у двери взялась за меч. Но где-то во дворце находился восьмилетний ребенок, чья мать лежала перед незнакомцами и не могла вспомнить его лица.

– Он в безопасности? – спросила я.

Кассиан не ответил сразу. Снятая перчатка осталась в его руке, пальцы сжались на коже.

– Сейчас – да. Рядом с ним моя охрана и капитан Рада Келл, которую вы видите у двери. Если ваш следующий вопрос касается того, можете ли вы использовать мальчика для давления на собрание, ответ будет отрицательным.

– Мой следующий вопрос касался того, знает ли он, что я очнулась.

Рада приподняла подбородок, но с рукояти меча руку убрала.

– Пока нет, – сказала она. – Король спал, когда лекарь сообщил о перемене.

Ее голос был негромким и деловым. Она называла восьмилетнего мальчика королем не ради церемонии, а словно напоминала каждому в комнате, кому именно служит.

Я снова посмотрела на Кассиана и спросила:

– Вы сказали, что я два года управляю страной. Что сейчас происходит, кроме подготовки моего суда?

– Вы хотите полный перечень?

– Начните с того, из-за чего люди могут умереть раньше, чем соберутся ваши палаты.

В его глазах мелькнуло что-то новое – не доверие, конечно, а скорее раздражение человека, который обнаружил, что привычный противник переставил мебель в комнате и теперь приходится смотреть под ноги.

– В казне почти нет свободного серебра, – произнес он. – Городские зерновые запасы сокращаются, речные торговцы отказываются давать новый кредит, а гарнизону задержали жалованье. На северной границе замечены люди Эдмара. Министры обвиняют друг друга, но все счета подписаны вами.

– Когда вы узнали о казне?

– Вчера. Вы не допускали меня к финансовым книгам.

– А теперь все прежние запреты Севрины перестали для вас действовать?

– Теперь ваши запреты не имеют для меня прежнего значения.

– Прекрасно. Значит, хотя бы одна проблема решилась сама.

Рада опустила взгляд, скрывая реакцию. Кассиан не улыбнулся, но его внимание стало еще тяжелее.

– Вы воспринимаете это как шутку?

– Нет. Я воспринимаю это как кризис с четырьмя направлениями: деньги, продовольствие, армия и легитимность власти. Мое обвинение относится к последнему, но голод не станет ждать окончания суда. Мне нужны книги казначейства, остатки зерна, список обязательств на ближайшие тридцать дней, перечень людей с доступом к печати и копии всех приказов, которые якобы подписала я за последние два месяца.

– Вы по-прежнему считаете, что можете отдавать распоряжения.

– Я по-прежнему, по вашим словам, регентша. Вы можете держать меня под охраной, но либо полномочия у меня есть, либо ваш закон – декоративная вышивка на очень дорогой подушке. Определитесь, что именно действует до собрания.

Он посмотрел на подушку за моей спиной, и на мгновение я почти увидела, как этот человек оценивает возможность признать ее частью государственного устройства. Потом Кассиан положил приказ на столик у кровати и сел в кресло напротив. Не рядом и не на краю постели, а так, чтобы между нами сохранялось расстояние переговоров.

– Вы обещали мне войска и поддержку Лиарена, – сказал он уже тише. – Получили мой союзный отряд, доступ к северным дорогам и право называться супругой короля Дорвена. Через два месяца вы приказали сменить мою охрану на свою и закрыли мне выезд из столицы. Затем мои люди попали в засаду по маршруту, который знали лишь несколько человек, включая вас и канцлера. Двадцать семь человек погибли. Теперь я держу приказ о собственном убийстве и слышу, как вы требуете доступ к той же печати.

За документами проступил человек, которого не просто отстранили от власти, а заставили ждать следующего удара в чужом дворце. Его спокойствие оказалось не отсутствием чувств, а способом не позволить им принимать решения.

Я могла повторить, что ничего не помню. Это было правдой и звучало хуже любой лжи.

– На вашем месте я тоже не дала бы мне печать без контроля, – сказала я. – Но если вы хотите узнать, кто отправил ваших людей в засаду, вам придется проверить больше одной удобной версии.

Кассиан провел большим пальцем по краю кольца, прежде чем ответить:

– Удобной? Я потерял трон, армию и людей, которых знал с детства. Называть мою версию удобной – смелый выбор даже для вас.

– Удобство версии не связано с ценой потери. Удобная версия объясняет все одним виновником и избавляет от проверки остальных. Вы уже решили, что виновата я, поэтому любой новый документ становится подтверждением. Если завтра найдется приказ утопить столицу, вы сначала посмотрите на подпись или спросите, откуда у курьера сухие сапоги?

Рада перевела взгляд на Кассиана. Он не ответил резко, хотя имел для этого и положение, и вооруженных свидетелей.

– Что вы предлагаете?

– Протокол взаимного недоверия.

– Звучит как единственная супружеская традиция, которую вы действительно соблюдали.

– Гхм... Значит, хотя бы не придется учиться с нуля.

Его пальцы перестали двигаться по кольцу. Эта пауза была опаснее гнева, но я уже слишком далеко зашла, чтобы притворяться кроткой женщиной с потерей памяти.

– Объясните, – потребовал он.

– До собрания ни один военный приказ не выходит от моего имени без вашей подписи и подписи капитана Рады. То же касается продажи земли, новых займов и перемещения зерна из городских хранилищ. Но ограничение действует в обе стороны: вы не используете мое состояние, чтобы единолично выводить войска, менять охрану Лиана или изымать документы. Каждый указ копируется в двух книгах. Одну хранит Рада, вторую – назначенный палатами писец, который не подчиняется ни вам, ни мне.

– Вы предлагаете мне ограничить власть, которой я получил достаточно лишь после вашего падения.

– Я предлагаю вам доказать, что вы хотите расследования, а не удобного переворота. Взамен я не покидаю дворец, не остаюсь наедине с Лианом, являюсь на Великое собрание и передаю вам все найденные сведения о Дорвене. Если выяснится, что приказ об убийстве настоящий и я отдала его в здравом уме, я не стану прятаться за титулом.

Последняя фраза далась мне заметно тяжелее остальных. Я не знала, кем была Севрина, но уже понимала, что ее поступки не исчезнут только потому, что в теле проснулась другая женщина. Для людей за дверью лицо, подпись и власть остались прежними. Значит, вместе с шелком и короной мне достался счет, составленный до моего появления.

Кассиан поднялся. Слабость снова накрыла меня, по краям зрения поползла темнота, но я удержала спину прямой. На переговорах нельзя было падать в обморок до согласования полномочий: потом коллеги обязательно трактовали это в свою пользу.

– Вы не продержитесь двадцать дней, если будете так сидеть, – сказал он.

– Тогда у вас появится юридически интересный вопрос о суде над покойной. Предпочитаю избавить всех от лишней переписки.

– Вы говорите иначе.

– Возможно, я все-таки ударила голову и стала разумнее.

– Лекарь не нашел следов удара.

– Тогда у нас остается чудо, яд или крайне запоздалое взросление. Я бы не ставила деньги на последнее, пока мы не увидели казну.

Он смотрел на меня долго, без попытки угадать шутку, затем надел перчатку, подошел к двери и обратился к Раде:

– Пригласите хранителя протоколов и лекаря. Условия нужно записать до того, как регентша снова потеряет сознание или передумает.

– Я не передумую.

Кассиан обернулся и задержался в дверях.

– Прежняя Севрина считала изменение решения проявлением власти. Пока я не пойму, кто говорит со мной сейчас, обещания не имеют веса.

В его словах не было мистического подозрения, только усталое признание: женщина на кровати не совпадала с той, которую он знал. Я не стала помогать ему сложить правильный ответ. Сначала требовалось понять его самой.

Через несколько минут в комнату вошли худощавый молодой лекарь с кожаной сумкой, седая женщина в сером платье и сухопарый писец, прижимавший к груди дощечку с листами. Лекарь назвался Ивеном Сааром, проверил мой пульс, осмотрел глаза и потребовал лечь. Я согласилась на половину требования: вести государственные переговоры лежа было унижительно, а терять сознание сидя – непрофессионально.

Седая женщина представилась Мирой Элс, старшей распорядительницей дворца. Она подала воду, но чашу держала так, чтобы я не смогла незаметно что-нибудь в нее добавить. У Севрины, судя по всему, были отношения с людьми, после которых даже помощь требовала техники безопасности.

Писец записал условия. Кассиан уточнил каждую формулировку, исключил возможность тайного устного приказа и потребовал, чтобы встречи с Лианом проходили в присутствии Рады или Миры. Я добавила право знакомиться с оригиналами документов и запрет выносить их из архива без записи. Когда текст был готов, Кассиан подписал оба экземпляра и вернул перо писцу.

– До Великого собрания двадцать дней, – сказал он. – Не считайте договор доверием.

– Доверие без проверки обычно продают люди, которым нужна подпись до конца дня. Меня устраивает договор.

Он ушел вместе с Радой и стражниками. Замок снова шелкнул, однако теперь ключ оставался у Миры. Маленькое изменение, которое в другой жизни я внесла бы в протокол как промежуточный результат.

Ивен заставил меня выпить горький настой и добился обещания не вставать хотя бы четверть часа. Я выдержала десять минут, после чего спросила Миру, где находится зеркало. Она молча указала на высокую серебряную раму между окнами.

Я посмотрела туда и сначала решила, что в комнате появилась еще одна женщина.

Она сидела на кровати в белой сорочке и темном халате, держа чашу обеими руками. Темно-рыжие волосы спутались на плечах, кожа была бледной, серо-зеленые глаза казались огромными на осунувшемся лице. У левого виска виднелся тонкий светлый шрам. Женщина подняла руку, и отражение повторило движение.

Мне было тридцать пять, а отражению – не больше двадцати семи.

– Это... я? – спросила я, хотя женщина в зеркале уже повторила движение моих губ.

Я коснулась незнакомой скулы и попыталась найти хотя бы одну собственную черту. Не нашла. Даже ногти были другими – длинными, отполированными и совершенно бесполезными для человека, привыкшего вскрывать упаковки ключами.

– Это лицо королевы Севрины Арден, – сказала Мира, заметив мой вопрос раньше, чем я его задала. – За ночь оно не изменилось.

– А все остальное, по вашему мнению, изменилось?

Она подошла к окну и поправила портьеру, чтобы свет падал ровнее.

– За последние два года при дворе изменилось достаточно многое. Я давно перестала считать перемены невозможными.

Это еще не было доверием, но уже не выглядело доносом. Я отвернулась от зеркала, за которым не осталось ни моего лица, ни моей прежней жизни.

– Расскажите только то, без чего я сегодня не проживу. Кто такая Севрина, кем был Орен и почему мой сын боится даже упоминания обо мне?

– Вы дочь покойного герцога Ардена. В восемнадцать лет вышли замуж за короля Орена, в девятнадцать родили Лиана. Два года назад король умер после пограничного ранения. С тех пор вы правите как регентша. Кассиан стал вашим вторым мужем одиннадцать месяцев назад.

– Я любила Орена?

– Вы не обсуждали любовь со слугами.

– Удобный придворный ответ, особенно для человека, который хочет дожить до ужина.

– Он позволил мне дожить до сорока четырех лет.

Уголок ее рта едва заметно дрогнул. Мира умела шутить, просто предпочитала делать это там, где шутка оставляла ей путь к отступлению.

– А Лиан?

Она подала мне темно-зеленый халат и только после этого ответила:

– Маленький король привык заранее выяснять, чего от него хотят взрослые. Тогда ему легче выбрать правильное лицо.

Эта фраза сказала о Севрине больше, чем список обвинений.

– Я хочу его увидеть. Пусть придет, только если согласится. Вы или Рада останетесь в комнате, дверь будет открыта. Я не стану касаться его без разрешения и не потребую, чтобы он назвал меня матерью.

Мира внимательно посмотрела на меня, словно проверяя не слова, а то, выдержу ли я их последствия.

– Вы заранее знаете, чего он не захочет?

– Нет. Я заранее знаю, чего не должна требовать.

Перед тем как выйти, Мира остановилась у порога и добавила:

– Лиан не любит, когда взрослые обещают навсегда. Лучше назовите срок, который способны выдержать.

Когда дверь закрылась, я позволила себе опустить голову. За окном тянулись крыши незнакомого города, высокие башни и река, блестящая между каменными домами. Все было настоящим настолько, насколько настоящей была боль в виске и чужая кожа под моими пальцами.

Я больше не находилась в своей жизни.

Паника пришла тихо, не криком, а желанием закрыть глаза и ждать, пока кто-нибудь компетентный объяснит происходящее. Проблема состояла в том, что в моей практике компетентного человека обычно приглашали после того, как остальные успевали потратить деньги, поссориться и спрятать документы. Теперь меня пригласили без согласия и, судя по словам Кассиана, немного поздно.

Я досчитала до восьми, как учила клиентов, которые ненавидели дыхательные упражнения, но соглашались на них ради приличия. Сердце успокоилось не полностью, зато стало ясно: сегодня требовалось пережить встречу с ребенком, увидеть казну и не позволить никому воспользоваться моей растерянностью. Ответ на вопрос, кем я стала, мог подождать хотя бы до ужина.

Лиан пришел через полчаса и остановился у открытой двери между Радой и Мирой, держа перед собой деревянный кораблик. Светлые волосы были аккуратно расчесаны, темно-синий камзол застегнут до горла, а серьезность на детском лице выглядела не врожденной, а выученной. Он поклонился так низко, будто я могла поставить ему оценку за точность.

– Вы хотели меня видеть, госпожа регентша.

Он не назвал меня ни мамой, ни даже Вашим Величеством.

– Хотела, – ответила я. – Но ты можешь остаться у двери или уйти, если не желаешь разговаривать. Я попросила, а не приказала.

Лиан посмотрел на Раду. Та не кивнула и не подсказала, оставляя решение ему. После короткой паузы мальчик вошел, но выбрал кресло ближе всего к выходу. Кораблик он поставил на колени, удерживая обеими руками.

– Сколько продлится разговор?

– Пять минут. Мира скажет, когда время закончится, если я увлекусь.

– Вы обычно сердитесь, когда разговор заканчивает кто-то другой.

– Тогда сегодня у меня будет возможность пережить новое впечатление.

Лиан нахмурился, пытаясь понять, смеюсь ли я над ним. Через несколько секунд он провел пальцем по мачте кораблика и задал вопрос, от которого в комнате стало теснее:

– Вы сегодня будете доброй, потому что здесь свидетели?

Мира застыла у окна. Рада смотрела прямо перед собой, однако пальцы на ее поясе сжались.

Я могла сказать, что всегда была доброй, сослаться на болезнь или придумать любовь, которой не чувствовала и не имела права присваивать. Любая красивая фраза потребовала бы от него поверить женщине с лицом, уже научившим его осторожности.

– Присутствие свидетелей не сделает меня доброй, – произнесла я. – Оно только не позволит мне потом отрицать свои слова. Сегодня я обещаю три вещи: не прикасаться к тебе без разрешения, не наказывать за честный ответ и не использовать этот разговор перед советом. Рада и Мира это слышали. Больше обещаний я пока не заслужила.

Лиан поднял глаза и спросил:

– Вы заболели?

– Похоже, хотя лекарь пока не назвал точную причину.

– Кассиан сказал, что лекарь пока не понимает, чем именно вы больны.

– Кассиан умеет сообщать хорошие новости особенно обнадеживающим тоном.

Рада кашлянула в кулак. В глазах Лиана мелькнуло любопытство, но тут же исчезло.

– Он вас казнит?

– Он сказал, что через двадцать дней будет суд. До суда никто не должен выносить приговор, даже очень уверенный муж.

– Вы говорили, что он хочет мой трон.

– Сегодня я не знаю, чего он хочет. Поэтому не стану отвечать за него.

Мальчик прижал большой палец к палубе кораблика, будто удерживал его на месте.

– А чего хотите вы?

– Дожить до суда, выяснить, куда исчезли деньги и почему в городе мало зерна. Еще я хочу, чтобы ты мог находиться рядом со мной без необходимости угадывать правильное лицо. Но последнее зависит не только от меня.

– Деньги исчезли давно.

– Ты слышал разговоры?

Лиан сразу насторожился, и я поняла, что вопрос прозвучал как начало допроса.

– Не отвечай. Это не должно было входить в наши пять минут.

Он продолжал смотреть на меня, затем медленно повернул кораблик кормой вперед.

– Время закончилось? – спросила я.

Лиан кивнул, и я не стала продлевать разговор.

– Тогда спасибо, что пришел.

Я не позвала его обратно, когда он поднялся, не попросила обнять меня, улыбнуться или хотя бы назвать матерью ради моего утешения. У двери мальчик оглянулся, словно ожидал последнего требования, но я только поправила сползший рукав халата.

Он вышел первым, а Рада задержалась на пороге.

– Короля не следует расспрашивать без подготовки, – сказала она.

– Я заметила слишком поздно. В следующий раз остановите меня раньше.

– Вы разрешаете капитану стражи прерывать регентшу во время разговора с сыном?

– Если регентша ведет себя как следователь, а мальчик к этому не готов – да. Запишите в нашу книгу взаимного недоверия.

Рада коротко склонила голову и ушла. Она не стала союзником, но впервые получила от меня полномочие защищать Лиана и от меня самой, а для первого дня этого было достаточно.

Кассиан прислал за мной ближе к вечеру. Ивен возражал так убежденно, словно намеревался лечить государственное устройство постельным режимом, однако я согласилась выпить настой, поесть и передвигаться медленно. Мира выбрала темно-зеленое платье без шлейфа, а от тяжелого ожерелья я отказалась.

– Королева обычно носит больше драгоценностей, – заметила она.

– Казна пуста. Будет странно надеть ее остатки на шею.

– При дворе странность редко мешает традиции.

– Придется традиции пережить трудный вечер.

В регентском кабинете ждали Кассиан, Рада и полный мужчина лет сорока пяти с бледными руками. Он представился Брантом Сивером, королевским казначеем, и поклонился так старательно, что цепь на его груди ударилась о стол.

Перед ним лежали три книги и сводный лист, по которому казначей сразу провел влажным пальцем.

– Согласно последнему отчету, остаток казны составляет сто две тысячи семьсот марок, – начал Брант. – Однако часть средств связана обязательствами и не может считаться полностью свободной.

– Какая часть? – спросила я.

– Значительная.

– «Значительная» – тревожное слово, но по-прежнему не точное число.

Он взглянул на Кассиана, будто надеялся получить перевод с языка опасных вопросов.

– Ее Величество просит назвать точную сумму, – спокойно сказал тот. – Сегодня это необычно, но не двусмысленно.

Я быстро поняла принцип записей: приход, расход, обязательство, дата печати. Местные цифры читались легко, хотя рука еще не помнила, как их писать. Из ста двух тысяч семисот марок двадцать четыре тысячи числились в резерве строительства, тридцать восемь тысяч были отданы под обеспечение старого займа, еще двадцать две тысячи двести восемьдесят значились как «целевой остаток речных поставок».

– Где деньги речных поставок?

Брант поправил цепь и отвел взгляд к книгам.

– Перечислены посредникам для подготовки договоров.

– То есть в казне этих денег уже нет.

– Формально они продолжают числиться государственным активом, пока посредники не закроют договоры.

– Формально я сейчас здоровая и счастливая женщина в собственном теле. Давайте считать то, что можно потратить до завтрашнего утра.

Через час перед нами осталась сумма, не нуждавшаяся в придворном толковании: восемнадцать тысяч четыреста двадцать серебряных марок. Брант подтвердил ее только после того, как я потребовала ведомость хранилища, расписки по займам и список уже выданных платежных поручений.

Ближайшие обязательства составляли ровно тридцать четыре тысячи: окончательный расчет за северный зерновой караван, задержанное жалование гарнизону, помол и развоз зерна по пекарням, содержание лечебниц и выплаты младшим служащим.

– Некоторые платежи можно перенести, – осторожно сказал Брант.

– Какие именно? Лечение, хлеб или жалование вооруженным людям?

– Двор всегда переносил часть обязательств на следующий месяц, когда текущих поступлений не хватало.

– Поэтому следующий месяц теперь сидит с нами за столом и требует пятнадцать тысяч пятьсот восемьдесят марок, которых нет.

Кассиан взял мой лист, быстро проверил расчет и поднял глаза.

– Вы посчитали в уме.

– Я использовала поля, что в казначействе пока, кажется, не запрещено.

– Севрина не проверяла сводные цифры лично.

– Севрина сегодня многое делает впервые.

Слова прозвучали двусмысленно. Кассиан поднял глаза, но не стал задавать вопрос при казначее.

– Сколько зерна осталось в открытых городских хранилищах? – спросила я.

– При обычной норме на шесть дней, – ответил Брант. – По договору северный караван должен прибыть через девять дней после аванса, который уже перечислен. Остаток требуют сегодня.

Даже по договору поставка опаздывала минимум на сутки, и я отметила это рядом с датой.

– Кто отвечает за закупки?

– Комиссия первого канцлера, лорда Мальвена Роасса.

Я записала имя рядом с суммой предоплаты и распорядилась подготовить к утру договоры комиссии, остатки всех складов и список частных запасов гильдий. До проверки ни один новый платеж не должен был проходить без записи в обеих книгах протокола.

Брант побледнел, но спорить не стал. Рада получила копии, Кассиан оставил оригиналы в кабинете под совместной охраной. Когда казначей ушел, мы остались у стола вдвоем, не считая стражников за открытой дверью.

– Теперь вы видели казну, – сказал Кассиан. – Ваш диагноз?

– Она не пуста. Хуже: на бумаге она выглядит полной, поэтому каждый может делать вид, что проблема возникла сегодня. У нас разрыв в пятнадцать тысяч пятьсот восемьдесят марок, зерна меньше чем на неделю, а поставка физически не успевает вовремя.

– «У нас»?

– До суда вы оставили мне полномочия. Не заставляйте каждый раз выбирать местоимение по правовому справочнику.

Кассиан подошел к окну, задержался там на несколько секунд и повернулся ко мне.

– Почему вы не отрицаете долг? Прежняя Севрина обвинила бы казначея, гильдии, погоду и покойного мужа. Именно в таком порядке.

– Потому что отрицание не добавит серебра. Я не знаю, подписывала ли ваши приказы, но могу проверить, как они появились и кто от них выиграл.

– От вашей смерти выиграют многие.

– От вашей, судя по всему, тоже. Рынок подозреваемых получился удивительно оживленным.

В его взгляде впервые исчезла часть ледяной неподвижности, но голос остался ровным.

– Двадцать дней, – напомнил Кассиан. – За это время вы должны найти деньги, зерно и доказательство подделки.

– А если найду?

– Я передам суду имена виновных и все собранные против них доказательства.

– Даже если выяснится, что вы ошиблись во мне?

За дверью сменился караул, металл тихо звякнул о металл. Кассиан опустил взгляд на договор, словно в нем мог найтись менее сложный ответ.

– Я хочу, чтобы правда и возмездие перестали быть разными вещами, – произнес он. – Но не требуйте от меня заранее решить, какая из них носит ваше лицо.

Это был честный ответ, и оттого опаснее обещания. Он не собирался щадить меня ради внезапной перемены, но и не отказывался смотреть на доказательства.

Я поднялась слишком быстро, и кабинет качнулся. Кассиан сделал движение вперед, но остановился прежде, чем коснуться меня.

– Завтра совет, – сказал он, позвав Миру. – Канцлер потребует передать ваши полномочия Палате закона.

– Пусть подготовит цифры.

– Мальвен предпочитает готовить выводы.

– Тогда мы с ним найдем тему для профессионального конфликта.

В покоях уже зажгли свечи. На столе стояли суп, хлеб и небольшая серебряная шкатулка. Мира объяснила, что это футляр Короны Обетов, которую регент хранит до совершеннолетия короля.

Я заставила себя поесть, дождалась, пока перестанут дрожать руки, и открыла шкатулку. На черном бархате лежал узкий серебряный обруч с тремя темными камнями. Когда мои пальцы приблизились, в виске вспыхнула боль, а перед глазами на мгновение возникло чужое воспоминание: женская рука, капля крови на зеркале и шепот, которого я не разобрала.

Я отдернула ладонь. Бархат под короной приподнялся у края, и под ним обнаружилась сложенная бумага.

Почерк был неровным, чернила местами расплылись, словно писавшая женщина не могла удержать перо. Внизу не было подписи, только две строки:

«Той, которая проснется вместо меня. Не верь человеку, который никогда не клянется».

Глава 2. Совет директоров с мечами

К рассвету записка Севрины перестала быть невозможностью и превратилась в проблему, а с проблемами я обращалась увереннее. Я перечитала две строки при свете догоревшей свечи, проверила бумагу на просвет, сложила и спрятала во внутренний шов халата. Подписи и даты не было, зато обращение к женщине, которая должна проснуться вместо прежней хозяйки тела, не оставляло места для случайности.

Фраза о человеке, который никогда не клянется, звучала почти прямой подсказкой в мире магических обетов. Именно это и настораживало: самые опасные подсказки обычно выглядели достаточно ясными, чтобы человек перестал задавать вопросы. До выяснения я решила не показывать записку никому, включая Кассиана, и сосредоточиться на вещах, которые можно было пересчитать.

Мира вошла с завтраком, а следом появилась Рада с плоской шкатулкой, перевязанной серой лентой. По лицу распорядительницы было ясно, что моя бессонная ночь не осталась незамеченной.

– Здесь вещи, найденные при вас в малом коронационном зале, – сказала капитан. – Согласно новому протоколу пакет вскрывается при свидетелях.

В шкатулке лежали обломок шпильки, сложенный носовой платок и тяжелый золотой перстень с гербом Арденов. Рада пояснила, что пальцы левой руки Севрины пришлось разжимать, чтобы забрать кольцо.

Если прежняя королева перед смертью сжимала личную печать, значит, боялась ее потерять или хотела сохранить последнее доказательство. Я попросила снова запечатать шпильку и платок, а перстень оставить на столе до конца завтрака, чтобы рассмотреть его при дневном свете.

Мальчик явился к завтраку сам, хотя приглашения не получал. Он сел возле двери, поставил кораблик рядом с чашей и сразу заметил кольцо.

– Оно все еще царапается? – спросил он.

Я повернула печать к свету. На нижнем крае обода не хватало крошечного кусочка металла, поэтому оттиск должен был получаться с заметным разрывом.

– Я уронил перстень больше года назад на ступени, – объяснил Лиан. – Вы наказали Талу, потому что она не удержала мою руку. Ювелир сказал, что убрать скол нельзя, иначе изменится печать.

– Тала пострадала?

– Недельку работала в прачечной и обожгла руки.

Он произнес это без упрека, как давно выученное правило: если рядом с матерью происходит несчастье, виноват тот, кого удобнее наказать. Я посмотрела на Миру, и та едва заметно подтвердила рассказ.

– Ты уронил кольцо случайно, а отвечала за это Тала. Это было несправедливо, – сказала я. – Мира найдет ее и узнает, нужна ли помощь, но вызывать во дворец и требовать прощения мы не станем.

Лиан перестал двигать ложкой, а его взгляд на миг метнулся к Мире. Затем он осторожно спросил:

– Вы хотите, чтобы я извинился перед ней?

– Нет. Извиняться должен тот, кто наказал невиновного.

Имени Севрины я не произнесла, однако мальчик услышал смысл и снова посмотрел на перстень. Облегчения на его лице не было, только осторожная проверка нового правила.

– Вы будете его носить?

– Пока нет. Он останется у капитана Рады, каждое использование запишут два свидетеля, а мне принесут указы с этой печатью за последний год.

– Раньше вы говорили, что никто не имеет права считать ваши печати.

– Раньше я, судя по всему, давала людям много причин считать их тайно.

Мира прикрыла крышкой чайник, скрывая короткое движение губ, а Рада завернула перстень в чистую ткань. Я попросила распорядительницу назвать человека, который меньше других склонен щадить репутацию королевы, но Лиан ответил первым.

– Селму Вирр, – ответил он без раздумий. – Она кричала под окнами, что вы шелковая моль, которая съела казну.

Я посмотрела на вышитые рукава приготовленного платья. Шелка на мне действительно хватило бы для убедительного обвинения.

– Образ грубый, но финансовое положение описывает точно. Значит, госпожу Вирр пригласят проверить зерно и книги.

– Потому что она вас ненавидит?

– Потому что человек, который меня ненавидит, не станет прятать ошибку ради моей репутации.

До конца завтрака Лиан не убирал кораблик со стола. Перед уходом он забрал его осторожно, словно не хотел случайно разрушить возникшее между нами перемирие.

Малый зал совета был круглым, холодным и устроенным так, чтобы каждый участник видел оружие остальных. Мечи висели на креслах, лежали на столе или оставались при владельцах, а над центральным местом расправляла серебряные крылья птица Лиарена. Совет директоров с мечами имел одно преимущество перед земным: здесь никто не притворялся, что борьба за власть является исключительно обменом мнениями.

Кассиан ждал возле моего кресла, положив перед собой копию вчерашнего договора. Рядом сидели Брант, начальник городской стражи, глава Палаты торговли, двое министров и мужчина лет пятидесяти с мягким лицом, светлыми глазами и безупречно белыми манжетами. Когда я вошла, первым поднялся именно он.

– Ваше Величество, весь двор благодарит судьбу за ваше пробуждение, – произнес мужчина с теплой учтивостью. – Я лишь сожалею, что болезнь вынуждает вас присутствовать там, где забота о государстве требует полного здоровья.

Поправив левую манжету, хотя та и без того лежала идеально, он представился первым канцлером Мальвеном Роассом и преданным слугой короны. Ни прямого обещания верности, ни клятвы, которую могла бы сохранить Корона, в его словах не было.

– Поскольку мое здоровье уже стало первым вопросом совета, начнем с него, – сказала я, занимая место. – Постараемся только не потратить на заботу деньги, которых у нас нет.

Мальвен развернул подготовленный лист и подвинул его к середине стола. Бумагу явно составили до того, как кто-либо собирался выслушать меня.

– Палата закона предлагает до Великого собрания передать полномочия регента совету из трех хранителей. В него войдут первый канцлер, глава Палаты торговли и первый защитник Лиарена. Так закон, хозяйство и армия получают равные голоса, а вы сможете восстановиться без риска для страны.

– Кто будет председателем?

– Кто-то должен обеспечивать порядок обсуждения.

Ответ означал его самого. Я прочитала первые пункты и увидела, что совет получал право распоряжаться займами, назначать хранителя Лиана и утверждать перемещение зерна. Кассиан мог блокировать военные решения, но в остальных вопросах его голос оставался одним из трех, а глава торговли рядом с канцлером старательно не поднимал глаз.

– Человек, подготовивший мое отстранение, после него возглавит орган, который получит мои полномочия и доступ к королю, – произнесла я. – Это не временная защита, а наследование при живой наследодательнице.

– Вы видите угрозу там, где совет предлагает избавить вас от опасной тяжести.

– Тогда назовите людей, чьи интересы пострадают, если полномочия останутся у меня под уже подписанными ограничениями.

Мальвен соединил ладони на столе. Поза была открытой, но ни одна мышца на его лице не выдавала сомнения.

– Пострадает доверие палат. Вчера вы не помнили собственного супруга и сына, сегодня не можете объяснить решения, подписанные месяц назад, а завтра должны утверждать поставки зерна. Ни один разумный совет не сочтет это безопасным.

– Проверить мою способность понимать последствия можно без передачи казны тем, кто уже надзирал за ее расходом. Сколько раз за последние восемнадцать месяцев Палата закона рассматривала отчеты Бранта?

– Финансовый надзор не относится к вопросу вашего здоровья.

– Напротив. Вы просите отдать вам управление, поэтому я хочу понять, как вы управляли тем, что уже находилось под вашим надзором.

Брант зашелестел листами и признал, что Палата закона получала ежемесячные сводки, но обсуждала только расходы выше тысячи марок. Все меньшие платежи оставались на ответственности казначейства.

– То есть девятьсот девяносто девять марок не заслуживали внимания палаты? – уточнила я.

– Такой порог утвердили вы, – мягко напомнил Мальвен.

– Я уже слышала, что подписывала множество плохих решений. Это не делает порядок хорошим и не освобождает тех, кто им пользовался.

Кассиан до сих пор молчал, но наблюдал теперь за канцлером, а не за мной. Вчера муж искал ложь в каждом моем слове, сегодня впервые проверял, как на них реагирует другой человек.

Мальвен перевел разговор к заключению врача, однако Ивен возразил, что подтвердил слабость и потерю части памяти, а не неспособность понимать решения. Для законного отстранения требовались второй врач и наблюдение не менее трех дней.

– Ваше Величество, – обратился канцлер к Кассиану, – я понимаю, почему вам важно сохранить договор, который дает вам влияние после долгого ограничения свободы. Но личная выгода не должна мешать безопасности Лиарена.

– Именно поэтому я не прошу передать полномочия мне, – спокойно ответил Кассиан. – Ваш проект передает их вам.

После ответа Кассиана в зале установилась настороженная тишина. Мальвен без раздражения сообщил, что служил короне при Орене, а все его решения были направлены на сохранение порядка, однако снова не дал точного обета, который мог бы оказаться ложным.

Я не стала делать из этого доказательство, поскольку одни люди избегали магических клятв из осторожности, а другие слишком хорошо знали цену каждого слова. Пока повторение следовало только запомнить.

– Тогда сохраним порядок через цифры, – сказала я. – В казне восемнадцать тысяч четыреста двадцать марок, а обязательные расходы ближайших десяти дней составляют тридцать четыре тысячи. Городского зерна при обычной норме осталось на шесть дней, тогда как оплаченный караван прибудет не раньше девятого. Кто может опровергнуть эти данные?

Брант подтвердил сумму, глава торговли – срок каравана, а начальник стражи сообщил об очередях возле хлебных лавок. Цифры оказались достаточно убедительными, чтобы даже Мальвен не стал спорить с ними напрямую.

– Я назначаю семь дней полной проверки, – продолжила я. – До ее окончания замораживаются дворцовые расходы, не связанные с безопасностью, лечением и питанием служащих. Каждый платеж выше ста марок вносится в открытый реестр, а зерно нельзя перемещать без подписей казначея, капитана Келл и представителя речной гильдии.

– Кого именно вы намерены допустить к государственным книгам? – спросил Мальвен.

– Селму Вирр.

Глава торговли тихо выругался. Канцлер лишь сложил руки на столе.

– Эта женщина публично оскорбляла корону, отказалась дать дворцу кредит и подстрекала речников не исполнять законные распоряжения.

– Тем лучше. Человек, который считает меня шелковой молью, не станет прятать ошибку ради моей репутации. Оригиналы останутся у Рады, Селма получит копии, доступ к складам и право проверить вес.

– Вы надеетесь купить расположение города показной открытостью, – заметил Мальвен.

– Но люди помнят закрытые приемные, рост налогов и праздники, на которые вы тратили больше, чем на речную охрану.

– И правильно помнят. Поэтому я не прошу доверять мне, а предлагаю считать вместе со мной.

Двери зала распахнулись. Молодой стражник остановился у порога, тяжело дыша, и доложил, что на восточной площади разбили окна двух хлебных лавок. Толпа требовала открыть королевские хранилища, а по городу уже шел слух, будто зерно ночью вывезли к северным воротам.

Начальник городской стражи предложил очистить площадь двумя десятками вооруженных людей. Мальвен счел разумнее немедленно открыть дворцовое хранилище и раздать весь запас, чтобы показать щедрость короны.

– Сколько там мешков? – спросила я.

– Девятьсот восемьдесят, – ответил Брант. – При сокращенной норме столице не хватит и на день.

– Значит, к вечеру мы получим спокойную площадь и пустой склад, а завтра очередь станет вдвое больше. Хранилище откроют, но сегодня выдадут только треть запаса через четыре лавки. Возле каждой двери повесят число оставшихся мешков, одинаковую цену и время следующей продажи. Семьи из списков лечебниц и мастерских получают жетоны на первую очередь, остальные мешки опечатают три свидетеля.

Глава торговли заметил, что списки можно подделать.

– Поэтому их сверят служители лечебниц, квартальные старосты и люди Селмы Вирр. Три источника ошибутся реже одного, особенно если не любят друг друга.

– А площадь? – спросил начальник стражи.

– Поставьте щиты у дверей лавок, а не напротив толпы. Писец вслух прочтет порядок выдачи, тех, кто ломает окна, задержат отдельно, но вся очередь не ответит за двух бросивших камни.

– Это займет больше времени, чем разгон.

– Сегодня – да. Завтра разгон занял бы гораздо больше.

Кассиан распорядился дать десять своих людей для охраны телег, но снять дорвенские знаки, чтобы чужая форма возле хлеба не превратилась в новый слух о захвате страны. Мальвен сложил листы в папку и посмотрел на нас с мягким неодобрением.

– Вы оба действуете так, будто договор между супругами заменяет решение палат.

– Мы действуем так, будто голод не обязан ждать, пока палаты закончат спор о кресле, – ответила я.

– Если порядок выдачи провалится, город запомнит, кто отказался открыть хранилище полностью.

– А если сработает, не приписывайте успех милости короны. Его обеспечат пекари, старосты, стража и люди, которые сумеют не украсть весы.

Мальвен поднялся. Внешний разговор о запасах окончательно дошел до личного обвинения.

– Вы изменили речь, привычки и отношение к собственным ошибкам, но государство не может строить безопасность на надежде, что болезнь сделала вас нравственнее.

– Согласна. Поэтому я строю ее на двух книгах, трех подписях и людях, которым невыгодно покрывать друг друга.

Кассиан провел черту через место для своей подписи. Без согласия первого защитника решение не могло вступить в силу.

– Решение о передаче полномочий откладывается до заключения второго врача. Семидневная проверка начинается сегодня. Если регентша нарушит договор, я сам потребую ее отстранения. Если канцлер или Палата торговли воспрепятствуют доступу к книгам, это попадет в материалы Великого собрания.

Мальвен склонил голову, принимая поражение так учтиво, что оно не выглядело окончательным. Глава торговли рядом с ним поспешно собрал свои бумаги.

– Разумеется. Все, что я делаю, служит сохранению Лиарена.

За весь разговор Мальвен так и не поклялся, и я отметила это повторение, не позволяя ему пока стать выводом. После совета Кассиан остался собирать документы сам. Я дождалась, пока двери закроются, и спросила, почему он поддержал проверку, хотя вчера скорее согласился бы пересчитать мои преступления, чем расходы.

– Я поддержал законную процедуру, а не вас, – ответил он. – Мальвен заранее контролировал два голоса и рассчитывал использовать мою неприязнь как третий.

– Это почти признание, что неприязнь делает вас уязвимым.

– Она делает меня предсказуемым, если человек уверен, что я выберу месть раньше расчета. Эдмар уже однажды построил на этом план.

Я подошла к окну. На востоке над крышами висел дым, но тревожный колокол молчал.

– Почему вы не потребовали полномочия себе? У вас армия и достаточно причин не доверять совету.

– Потому что я король Дорвена, а не Лиарена. Если присвою вашу власть, Мальвен получит доказательство захвата страны. Кроме того, Лиан не обязан менять одну опасную опеку на другую только потому, что вторая лучше одета.

– У вас удивительно скромное мнение о собственной форме.

– У меня точное мнение о власти, полученной под предлогом чрезвычайной необходимости. Она редко возвращается добровольно.

Этот ответ объяснял больше, чем длинный рассказ о его прошлом. Кассиан не считал контроль злом, но понимал, что всякая рука быстро привыкает к рукояти.

– На встрече с Селмой вы будете присутствовать? – спросила я.

– Да. Хочу увидеть, какую цену вы предложите человеку, имеющему причины желать вашего падения.

– Доступ к цифрам и право публично сообщить о моем вмешательстве.

– Это риск для вас, а не цена для нее.

– Иногда лучший способ получить честную работу врага – не просить его перестать быть врагом.

Кассиан перевязал папку и задержал взгляд на моем лице. От разговора о Селме его внимание незаметно переместилось ко мне самой.

– Вы говорите о людях так, словно распределяете их по функциям.

– На моей прежней работе это помогало не путать симпатию с полезностью.

– А вне работы?

– Вне работы, вероятно, мешало помнить, что люди не обязаны становиться удобными после правильного разговора.

– Прежняя Севрина тоже хотела сделать окружающих удобными. Только выбирала другие способы.

Слова задели сильнее, чем я ожидала, потому что в них была неприятная доля правды и обо мне. Я выровняла лежавшие на столе листы, прежде чем ответить.

– Я не прошу вас забыть ее поступки. Только проверять каждый новый факт до того, как он займет место в приговоре.

– Вчера вы просили то же самое другими словами.

– Вчера вы слышали только подозреваемую.

– Сегодня я услышал канцлера, который слишком заранее подготовился к вашему отстранению.

Дверь открылась, и Ивен вошел со стеклянным флаконом, запечатанным красным воском. Его обычная усталость сменилась напряжением.

– Заседания на сегодня закончены, – заявил лекарь. – В воде из кувшина, стоявшего в спальне прошлой ночью, найден серый морозник. Он вызывает слабость, спутанность сознания и металлический вкус, а большая доза может остановить сердце.

Кассиан не двинулся, но его голос стал холоднее. Рада выпрямилась и положила ладонь на пояс.

– Кто касался кувшина?

– Его наполнили на нижней кухне и передали горничной. После того как регентшу нашли, вода оставалась в запечатанной комнате. Я пока не знаю, попал ли яд в кувшин на кухне или позже.

– Севрина могла взять морозник сама?

– Могла, как и любой человек с ключом от лечебницы. Я не назову это самоотравлением только потому, что такая версия удобна обвинению.

Кассиан приказал сменить охрану кухни, проверить все лекарства и готовить мою еду при людях из двух разных смен. Когда я напомнила о встрече с Селмой, Ивен потребовал, чтобы я легла, а Кассиан перечеркнул оставшиеся пункты расписания.

– Вы только что поддержали мое право принимать решения, – заметила я.

– И не обещал поддерживать решения, которые делают суд невозможным по причине вашей смерти. Селма придет завтра.

– Какая трогательная забота о правосудии.

– Называйте ее как угодно, пока выполняете требование врача.

Он передал Мире запечатанную флягу с дорвенским травяным настоем и предупредил, что напиток горький, но безопасный. Забота Кассиана выражалась усилением охраны, отменой встреч и питьем, вкус которого заранее признавали сомнительным. Вероятно, другого языка для нее он пока не знал.

К вечеру с восточной площади пришел отчет. Мешки пересчитали при свидетелях, порядок следующей выдачи прибили к дверям четырех лавок, а толпа разошлась без нового насилия, потому что увидела запас и узнала время продажи. Победа была слишком хрупкой для праздника, но город получил еще один день.

Наутро Селма Вирр вошла во дворец в высоких речных сапогах, оставляя на мраморе влажные следы. Ей было около пятидесяти, седые волосы она собрала в толстую косу, а широкие ладони выглядели так, будто одинаково уверенно считали монеты и вытаскивали канат из холодной воды. Поклон она обозначила движением подбородка, не собираясь притворяться почтительнее, чем была.

– Я пришла не мириться и не подтверждать, что королева внезапно полюбила бедных после того, как бедные начали подбирать камни.

– Прекрасно. Мне нужен человек для проверки запасов, а не свидетель нравственного преобразования.

Кассиан стоял у камина, Рада – возле двери, Брант сидел за столом с книгами. Селма положила передо мной список условий: свободный доступ ее счетчиков на склады, копии накладных, защита от ареста за найденные расхождения и публикация итогов у ворот гильдии.

– Добавьте ответственность за подлог и разглашение личных долгов, не связанных с закупками, – сказала я. – Проверка должна искать зерно и деньги, а не служить способом свести частные счета.

Селма прищурилась. Ее пальцы легли на край списка, но лист она пока не отпустила.

– Две мои баржи конфисковали по вашей печати, когда я отказалась дать дворцу заем без залога. Одиннадцать семей остались без работы. Где тогда было право не оказаться виновной заранее?

Кассиан не вмешался. Он ждал ответа вместе с ней.

– Судя по тому, что я уже увидела, этого права не было. Я не помню приказа и не стану изображать раскаяние, которое вы обязаны принять, но распоряжение проверят. Если баржи забрали незаконно, их вернут или оплатят по прежней цене.

– Палата торговли принадлежит Мальвену.

– Тогда проверка покажет и это.

Селма села без приглашения, выбрав кресло напротив меня. Даже это движение выглядело условием, а не уступкой.

– Вы либо сошли с ума, либо решили утопить канцлера в бумаге.

– Пока зерна мало, топить кого-либо расточительно. Начнем с бумаги.

Она коротко рассмеялась, а затем снова стала серьезной. Веселье не изменило ни ее взгляда, ни причин недоверия.

– Я не верю вам, Севрина. Соглашаюсь на семь дней только потому, что голодный город перестанет покупать у моих людей быстрее, чем ваша казна перестанет платить.

– Мне не нужна вера. Нужны ваши весы и готовность назвать цифру, даже если она выгодна тому, кого вы ненавидите.

– А если цифра докажет вашу вину?

– Вы первой вывесите эту цифру у ворот гильдии, без моей правки.

– А если вину вашего мужа?

Я посмотрела на Кассиана, и он выдержал мой взгляд, не пытаясь вмешаться.

– Тогда сделайте две копии, чтобы ни одна сторона не потерялась по дороге к возмущению.

Условия подписали обычным пером и заверили Рада и Кассиан. Селма не стала союзницей, зато получила право войти туда, откуда ее годами выталкивали, а я получила врага, заинтересованного в точности результата.

Проверка началась с зерновых накладных. Брант раскладывал книги по месяцам, Селма отмечала знакомых посредников, а я выписывала повторяющиеся суммы: девятьсот сорок, девятьсот семьдесят, девятьсот девяносто восемь марок. Каждый платеж оставался ниже порога Палаты закона, но вместе они складывались в сумму, которую никто не назвал бы мелкой.

– Все получатели зарегистрированы по одному адресу, – сказала Селма. – Дом тихой воды, благотворительное заведение у западной стены.

Брант слишком резко закрыл книгу и сообщил, что там содержат больных, которым нельзя жить в городе. На вопрос, почему лечебный дом торгует зерном, он сослался на надлежащим образом заверенные распоряжения.

– Тогда покажите распоряжения, – потребовала я.

На верхнем листе значился приказ продать часть северного запаса частному посреднику ради сохранения качества зерна. Внизу стояли моя подпись и круглый оттиск герба Арденов.

Я попросила Раду принести перстень. Лиан утром показал мне скол на нижнем ободе, и теперь он был виден всем: маленькая неровность, не позволявшая печати оставлять идеальный круг.

– Нужен подлинный указ, подписанный после повреждения перстня, – сказала я.

Брант нашел распоряжение восьмимесячной давности о ремонте южного моста. Рада сделала контрольный оттиск на учебном воске при пяти свидетелях, и на нижнем крае появился крошечный разрыв, точно такой же, как на указе о мосте. Печать на приказе о продаже зерна, напротив, имела безупречную окружность.

Кассиан поднес документы к окну, проверяя герб и каждую букву девиза. Он предположил, что край могли поправить вручную, но Рада показала ровную поверхность воска без следов среза.

– Принесите приказ о вашем убийстве, – сказала я.

Кассиан не двинулся сразу. Еще вчера этот лист был для него концом спора, а теперь я просила поставить рядом с ним сомнение. Он сам достал папку, развязал шнур и положил документ между указами о мосте и зерне. Оттиск на приказе о его убийстве тоже оказался идеальным.

– Кто мог изготовить второй перстень? – спросил Кассиан.

– Формы хранятся у Савера Денна, – ответил Брант. – Но для новой печати требуется приказ регента и запись в архивном реестре. Я такого приказа не видел.

– Вы не видели или его не существовало? – уточнила Селма.

– У меня нет доступа к реестру печатей.

Рада убрала настоящий перстень в железный ларец и предложила пока не сообщать Саверу о различии. Кассиан продолжал держать приказ о собственном убийстве; серебристые линии на его голой руке стали заметнее, но Тень Клятвы не могла заставить бумагу ответить.

– Это не доказывает, что вы не велели изготовить копию, – сказал он мне. – И не отменяет остальных распоряжений.

– Не доказывает. Зато приказ больше не доказывает, что его отдала я.

Он мог сохранить прежнюю формулировку или напомнить о погибших людях. Вместо этого Кассиан переложил лист в отдельную папку и написал на обложке: «Происхождение не установлено».

– Рада, проверьте цепочку передачи всех приказов с целым оттиском. Начните с зерна и моей охраны. При допросе курьера я буду присутствовать лично.

Обвинение впервые перестало быть приговором и превратилось в улику, которую предстояло проверить. Я посмотрела на идеальный круг в красном воске и поняла, почему Севрина перед смертью сжимала настоящий перстень.

У кого-то во дворце была безупречная копия королевской печати.

Глава 3. Враг в моей карете

На четвертое утро дворец попытался удержать меня при помощи лекаря и Кассиана, причем Ивен оказался настойчивее вооруженного короля. Он поставил флакон с настоем прямо на план речного квартала и заявил, что не выпустит меня из покоев, пока я не пройду от окна до двери без поддержки мебели.

– Вчера кресло просто оказалось в удобном месте, – возразила я.

– Вчера вы назвали его стратегическим союзником и держались за спинку обеими руками. На складе такой союзник может не найтись.

Кассиан сложил список накладных и сообщил, что осмотр семнадцатого склада откладывать нельзя: за ночь из конторы исчезли два документа, а смотритель уехал к родственникам, которых у него не существовало. В результате переговоров мне разрешили ехать в закрытой карете, провести на ногах не больше часа и вернуться до вечернего колокола. Мое мнение учли особенно широко: я могла согласиться добровольно или согласиться с плохим настроением.

Ивен заставил меня выпить настой, передал Мире пакет с травами от дурноты и потребовал следить за цветом моего лица. Кассиан заметил, что для этого сначала придется установить нормальный цвет лица Севрины, но лекарь не оценил помощь.

Во дворе ждали две кареты, всадники Рады и люди Селмы Вирр. Сама Селма сидела на широком гнедом мерине и смотрела на дворцовую лестницу так, словно заранее оценивала стоимость камня после падения монархии.

– Мои счетчики поедут впереди, – объявила она. – Если чиновники успели заменить мешки, я хочу увидеть хотя бы свежую пыль.

– Поедут рядом со стражей, – ответил Кассиан. – Никто не входит на склад раньше капитана.

Я направилась ко второй карете, но Кассиан открыл дверцу первой и придержал ее, не оставляя сомнений в выбранном порядке. Его выражение обещало, что спор уже включен в маршрут.

– Мы поедем вместе, чтобы ни одна сторона не получила отдельную версию проверки.

– Это мера безопасности или наказание?

– Дорога длинная. У меня будет время сравнить последствия.

Рада предпочла ехать верхом, поэтому внутри мы остались вдвоем. Кассиан держал на коленях папку с накладными, я – план складов, поверх которого Селма добавила две незаконные пристани и подпись: «Здесь чиновники обычно теряют совесть».

– Она сама показала тайные разгрузочные места? – спросил Кассиан.

– Возможно, решила, что выгоднее признать старые нарушения, чем позволить найти их без ее участия.

– И вы не собираетесь арестовать половину гильдии?

– Если арестовать всех, кто обходил плохие правила, зерно останется на баржах. Сначала найдем тех, кто зарабатывал на голоде, потом займемся теми, кто экономил на пошлине. Не всякая вина имеет одинаковую цену.

Когда карета качнулась на разбитой мостовой, я удержалась за ремень у окна, а Кассиан без комментариев переставил папку, освобождая мне место для ног. Забота в его исполнении по-прежнему выглядела как незаметная перестановка предметов, после которой человеку становилось труднее возражать.

У реки пахло дегтем, мокрой веревкой и зерновой пылью. Люди узнавали герб на карете, но не кланялись: одни отворачивались, другие поднимали детей повыше, чтобы те увидели женщину, при которой хлеб стал роскошью. Репутация Севрины ехала впереди нас и занимала больше места, чем охрана.

Управляющий складским двором встретил нас с перебинтованной рукой и сообщил, что семнадцатое здание закрыто из-за просевшего пола. Селма ткнула сапогом в тележные следы, оставленные после ночного дождя.

– Может быть, у вас особая грязь, – сказала она. – Не смывает только нужные колени.

Ключей у управляющего не оказалось: по его словам, Савер Денн забрал их для проверки опор, хотя хранитель печатей никогда не отвечал за речные балки. Рада уже велела кузнецу вскрыть замок, когда со стороны пристани послышался женский голос:

– Если вы ищете зерно, начните с тех, кому его уже продали на бумаге.

К нам шла высокая женщина в темно-синем дорожном костюме. Светлые волосы были собраны в низкий узел, на перчатке блестела застежка в виде раздвоенного крыла. Кассиан узнал ее раньше, чем она назвала имя.

– Теа Моррен. Делегация законной короны Дорвена должна была прибыть через три дня.

– Прибудет вовремя, – ответила она. – Эдмар называет наше посольство сборищем изгнанников, но это не мешает документам исчезать быстрее, если предупредить о них дворец. Поэтому я приехала раньше.

Теа поклонилась ему ровно настолько, насколько требовал титул, затем повернулась ко мне. Ни удивления, ни приветственной любезности на ее лице не появилось.

– Я ожидала увидеть вас на суде, Севрина, а не среди мешков, исчезнувших по вашей печати.

– Сегодня у мешков больше шансов дать полезные показания.

Слуга поставил на бочку плоский сундук. Внутри лежал реестр с именами командиров, численностью отрядов, маршрутами и суммами. Теа объяснила, что на дорвенских рынках появились расписки о продаже жалованья и снабжения частей, сохранивших верность Кассиану. Покупателем числился советник Эдмара, продавцом – корона Лиарена.

Внизу стояли подпись Севрины и идеальный оттиск печати без скола. Бумага выглядела слишком аккуратно для вещи, уже успевшей погубить людей.

– Откуда реестр? – спросила я.

– Наш человек выкупил реестр у писца посредника и сохранил сведения о передаче.

– Имя посредника, место передачи и свидетели?

Теа прищурилась, оценивая не вопрос, а причину, по которой я его задала. Раздражение она не скрыла, но отвечать отказалась не сразу.

– Вы хотите свести гибель людей к спору о воске?

– Я хочу проверить происхождение бумаги до того, как она станет приговором. У вас есть образцы подписи посредника?

Она назвала нотариуса, город и двух свидетелей, затем показала четыре расписки. Ответы были точными, а ненависть не мешала ей различать факт и предположение.

– Писцы сравнят бумагу, чернила и почерк, – решила я. – Останьтесь на осмотре. Если зерно связано с Эдмаром, вы узнаете его складские знаки лучше нас.

Теа посмотрела на Кассиана, словно решение теперь зависело не от моих доводов, а от того, подтвердит ли он новые правила игры. Он выдержал ее взгляд без попытки смягчить ответ.

– Вы ей позволяете?

– Я позволяю проверке идти дальше первого удобного вывода. Это не оправдывает ее и не отменяет имен в списке.

Решение Теа изменилось раньше выражения лица. Она закрыла сундук, но не велела слугам уносить его.

– Я останусь не ради вас. Люди в этом реестре служили Дорвену, когда союз с Лиареном еще считался спасением.

– Причина подходит.

Когда замок вскрыли при свидетелях, управляющий попытался отойти к воротам, но один из людей Селмы поймал его прежде, чем тот успел затеряться среди счетчиков.

В открытой части семнадцатого склада стояло меньше двух сотен мешков, многие были набиты лишь наполовину. Пол не проседал, балки выглядели крепкими, зато дальняя стена шла под странным углом и отнимала у здания добрую треть пространства.

Селма прошла вдоль стены, повторила путь снаружи и постучала по доскам. Звук получился глухим, будто за обшивкой прятали не пустоту, а еще одно помещение.

– По внешней длине здесь не хватает двенадцати локтей. Либо склад научился быть меньше изнутри, либо кто-то построил комнату без двери.

На плане задняя часть значилась противопожарной полосой. Рабочие сняли несколько досок и обнаружили вторую стену, новую, пропитанную маслом от сырости. Из щели пахло сухим зерном так густо, что даже управляющий перестал возмущаться повреждением королевского имущества.

Через четверть часа проход был достаточно широк. За перегородкой уходили в полумрак ряды мешков, сложенных до потолка. Счетчики начали отмечать их мелом, и предварительный итог превысил открытые городские запасы в несколько раз.

– При сокращенной норме этого хватит столице на пять недель, – сказала Селма. – Голод устроили не неурожай и не река.

На мешках чернел ворон с раскрытыми крыльями – герб дома Рейв. Управляющий сразу заявил, что тайник принадлежит Кассиану, однако Теа вытянула из шва короткую желтую нить, натертую воском.

– После переворота Эдмар приказал сшивать военные поставки желтой нитью, – объяснила она. – При Кассиане использовали серую. На свинцовой пломбе также нет нижнего зубца старой короны.

Разломив пломбу, Кассиан обнаружил на внутренней стороне знак северной счетной палаты Эдмара, который без знания можно было принять за цапаину.

– Зерно привезли люди Эдмара, а ваш герб поставили сверху, – произнесла Рада. – При обнаружении первым обвинили бы Дорвен.

– Чужой король прячет хлеб, поднимает город против регентши и вводит войска для восстановления порядка, – сказал Кассиан. – Палатам понравилась бы такая простота.

Я распорядилась переписать номера пломб и выставить смешанную охрану. Селма должна была назвать точный вес, Теа – подтвердить происхождение знаков, Рада – отвечать за вход, а Брант – сверить поставку с переводами «Дому тихой воды».

Кассиан предложил сразу отправить зерно в город, но я остановила его. Спешка могла спасти несколько часов и уничтожить доверие к подсчету.

– Если объявить о запасе без порядка выдачи, сюда придет половина Астора, а вторая решит, что мы снова все спрятали. Сегодня опечатываем склад, утром открываем учет публично, после этого начинаем вывоз.

– Вы снова ставите врагов рядом и надеетесь, что они будут следить друг за другом.

– Я не надеюсь. Я выдаю им одинаковые книги и разные причины не позволить соседу соврать.

Селма услышала и одобрительно хлопнула ладонью по мешку. Ее счетчики переглянулись, уже понимая, что теперь придется следить не только за дворцом, но и друг за другом.

– Вот теперь вы разговариваете как человек, который хотя бы однажды видел рынок.

Из открытой части склада донесся сухой треск. По полу покатила разбитая лампа, масло разлилось возле стопки накладных, и пламя быстро побежало по доскам. Одновременно управляющий рванулся из рук стражника, а двое мужчин в одежде грузчиков бросились к столу с реестром Теа.

Рада перекрыла боковую дверь, но один нападавший успел схватить бумаги, а второй дернул длинный рычаг у канала. Под полом загрохотало, в щели между досками ударила вода: они собирались сжечь документы и затопить скрытую часть вместе с зерном.

– Не лейте воду на масло! – крикнула я рабочим. – Накройте огонь мокрыми парусами, фонари вынесите наружу. Четверо к рычагу, остальные освобождают проход!

Селма развернула людей к навесу с парусами. Я добежала до рычага, но механизм уже тянул его вниз. Двое рабочих навалились рядом, третий сунул в зубы деревянный брус. Течение дернуло створку, брус затрещал, вода поднялась до щиколоток.

У стола звякнула сталь, когда нападавший метнул нож в Теа, а Кассиан отвел удар предплечьем, но лезвие скользнуло выше и разрезало правое плечо. В тот же миг второй мужчина толкнул горящую стойку к проходу, где теснились рабочие.

Сорвав перчатку, Кассиан вскинул руку, и серебристые линии на ней вспыхнули холодным светом. По полу разошлась темная полоса и поднялась перед людьми плотной завесой. Стойка ударилась в нее, замедлилась и рухнула в воду, не достигнув прохода.

Пальцы Кассиана остались раскрытыми, словно их сковал мороз. Его магия удержала удар, но не обезоружила врагов: Рада выбила нож у первого, Теа ударила второго тяжелой крышкой сундука, а люди Селмы прижали управляющего к полу.

Когда брус у рычага начал выскакивать, я заметила на стене систему противовесов, соединенную с внешним колесом, а под настилом – аварийную цепь с красной меткой.

– Тянем вместе, не рывком! – приказала я двум счетчикам. – Раз, два, три!

На третьей попытке звено вошло в паз. Под полом раздался глухой удар, течение ослабло, а створка шлюза замерла.

Когда я выпрямилась, склад поплыл перед глазами уже не из-за воды. Кассиан заметил это даже через дым, передал пленника Раде и левой рукой вывел меня к открытым воротам. Правая висела вдоль тела, на плече темнела кровь.

– Я могу идти сама, – сказала я.

– Вы уже доказали способность спорить во время обморока. Следующее испытание не требуется.

– У вас кровь на рукаве.

– У вас вода в сапогах и лицо цвета архивной бумаги.

– Значит, оба выглядим достаточно официально.

Он посадил меня на перевернутый ящик и только после этого позволил осмотреть плечо. Порез оказался длинным, но неглубоким, однако, когда Кассиан попытался поднять руку, пальцы по-прежнему не согнулись.

– Цена защиты? – спросила я.

– Тень может стать преградой, пока я удерживаю обет защищать Лиарен. Она не нападает и забирает тепло с чувствительностью, если держать ее дольше нескольких вдохов.

Теа смотрела на его руку со знанием, которого не могло быть у недавней знакомой. Ее тревога была сдержанной, но слишком точной, чтобы оказаться простой вежливостью.

– Раньше ты останавливался до того, как немели пальцы.

– Раньше рядом со мной не падала горящая балка на двадцать безоружных людей.

Они знали привычки друг друга и не считали это поводом для мягкости. Я отметила связь без поспешного вывода: при нынешнем количестве заговоров ошибочная классификация личных отношений могла дорого обойтись.

У одного пленника нашли жетон мастерской хранителя печатей, у второго – ключ от бокового шлюза. Управляющий повторял, что выполнял распоряжения Савера и не знал о пожаре, но Селма заметила, что неосторожные люди редко заранее смазывают аварийный рычаг.

Огонь погасили, воду отвели через нижний сток, накладные уцелели под мокрым парусом. Рада оставила на складе своих людей, Селма – счетчиков, Теа – секретаря. Ни одна сторона не могла вскрыть помещение без двух других.

– Вы действительно вернетесь во дворец в этой одежде? – спросила Теа, оглядев мой мокрый подол.

– У Севрины достаточно платьев. Одно из них наконец послужило государству.

– Прежняя Севрина отправила бы счет владельцу склада.

– Не подсказывайте. Казна уязвима для плохих традиций.

Теа едва заметно улыбнулась и сразу вернулась к деловому тону. На следующий день она должна была принести оригиналы расписок для сравнения чернил. Доверия между нами не возникло, зато у нее появилась причина остаться, а у меня – свидетель, способный опознать знаки Эдмара.

Кассиан отказался от предложенной лошади, потому что правая рука все еще не держала повод. В карете я положила на колени дорожную аптечку, которую Ивен предусмотрительно передал Мире, и велела:

– Снимите мундир.

Кассиан посмотрел на меня так, будто заподозрил еще один вариант переворота. Затем оценил пропитавшую рукав кровь и все же потянулся к застегкам.

– Рада уже перевязала плечо.

– Она прижала ткань поверх одежды. Кровь прошла через нее, а до дворца сорок пять минут. Снимите мундир или объясняйте Ивену, почему решили сохранить в ране половину склада.

– Вы не обязаны заниматься моим плечом.

– Я и не занимаюсь им из супружеского долга. Мне нужен первый защитник, способный подписывать приказы и не падать в обморок раньше подозреваемой.

Он зубами расстегнул верхнюю застегку и попытался стянуть мундир одной рукой. Правое плечо отозвалось болью, хотя лицо Кассиана почти не изменилось. Я пересела ближе и помогла освободить рукав.

Под темной рубашкой оказались старые шрамы, часть которых уходила к лопатке. Я не стала спрашивать об их происхождении и сосредоточилась на свежем порезе. Ткань прилипла к коже, поэтому ее пришлось медленно отмачивать водой. Карета качалась, наши колени иногда соприкасались, а Кассиан наблюдал за моими руками.

– Вы умеете перевязывать раны, – заметил он.

– Умею читать инструкции и отличать кровь от чернил. Для дворца уже неплохая квалификация.

– Севрина боялась вида крови.

– Сегодня у нее насыщенная программа по преодолению привычек.

Я промыла порез, наложила чистую ткань и провела бинт под рукой. Чтобы закрепить узел, пришлось наклониться ближе, и на несколько секунд его дыхание коснулось моих волос. Ничего волшебного не произошло; просто слишком ясно стало, что под титулами, угрозами и черной формой находился живой мужчина, который терпел боль молча и не пользовался близостью, чтобы заставить меня отступить.

Кассиан отвел взгляд к окну первым. За стеклом мелькнула вода, и на несколько секунд он сосредоточился на ней с неожиданным упорством.

– Достаточно туго.

– Пальцы двигаются?

Он попробовал согнуть пальцы, но движение вернулось лишь частично.

– До дворца пройдет.

– Это медицинский вывод или королевская привычка приказывать телу?

– В Дорвене тело короля считалось государственной собственностью. Приходилось договариваться строго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.